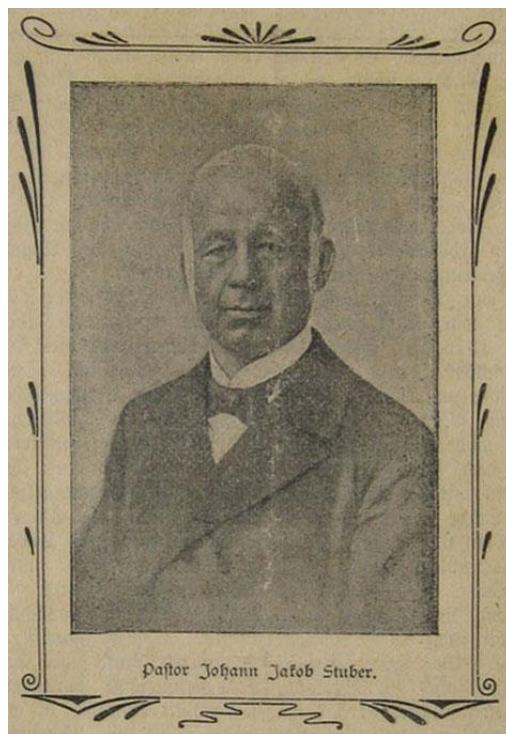

Пастор Иоганн Якоб Штубер

Некролог¹⁾

В последующих строках перед нашими глазами предстанет жизненный путь поволжского священника. Перед лицом суровых оценок, появляющихся в последнее время в печати относительно наших священников, представляется тем более необходимым представить в биографиях священников, покидающих наши ряды, их мысли и мнения, дела и стремления, а также плоды их жизненных трудов без прикрас и правдиво. И они когда-то были молоды, как мы, и они потому, как все молодые, ступили во враждебную жизнь, полные высоких идеалов, и искали их на благо окружающих людей; они, как и мы, противостояли превратностям своего времени и боролись за претворение своих юношеских мечтаний в жизнь, слов в дела – пока, наконец, годы не принесли с собой тяготы и бесплодие, а разочарование – усталость, и слова Шиллера об ожидании и воплощении не воплотились и применительно к ним:

«В океан направляет юноша свой корабль с тысячью мачт. Тихо, на спасательной лодке, устремляется в гавань старик».

На берегу стоят молодые и насмеваются над стариком за скудные плоды его жизненных трудов. Проходят годы. Те, что когда-то стояли на берегу молодыми и кудрявыми, теперь тоже возвращаются седоволосыми стариками лишь на лодке из штормового непредсказуемого моря жизни в тихую гавань старости. И они всего лишь на спасательной лодке! И у них достигнутое далеко отстало от юношеских ожиданий! А у берега и их уже ожидают юноши, которые столь же поспешно ломают копья по поводу скудного результата их жизненных трудов. Так будет и впредь. И всё же все они хотят добра и правды, старые и молодые. И разве эта общая цель, к

¹⁾ Этот некролог был зачитан на прошлогоднем Синоде, и его, к сожалению, удалось сдать в печать только теперь. Для будущего историка нашей поволжской церкви отметим также, что на том Синоде пастор Куфельд зачитал текст и о пробсте Блюме, полностью изложенный в хронике Осиновского прихода.

которой стремятся обе части, не создает возможности и для совместных дел, для мирного взаимодействия и сотрудничества бок о бок?! Это возможно, если у всех возобладает девиз: у вас один предводитель – Христос, а вы все братья.

Обратимся же теперь к нашей подлинной теме.

Покойный пастор Штубер, умерший, будучи пастором прихода Брунненталь в приволжских степях, был известен в наших поволжских общинах в основном в качестве так называемого братского пастора, т.к. он руководил общественно-церковными кругами, среди своих коллег он был известен как верный друг внутреннего и внешнего миссионерства; но то, что он был также школьным деятелем, причем не только в теоретическом, но и в практическом отношении, знают, вероятно, лишь немногие. И все же он, будучи молодым пастором, был в течение 8 лет также простым учителем начальной школы, исходя из чистой тяги к работе в народе. В этом качестве он в 70-х годах, согласно его еще сохранившимся запискам того времени, с большим пониманием оценил при его появлении российское Положение о начальных народных училищах 1874 года и тотчас распознал его недостатки, что одновременно свидетельствует о том, насколько живым был его ум в полюбившейся ему сфере народного образования. Теплое чувство к миссионерству он почерпнул в Базельской миссии, понимание в отношении собраний пробужденцев – в родительском доме.

1. **Д е т с т в о и ю н о ш е с к и е г о д ы .** Пастор Иог. Якоб Штубер не был россиянином. Его колыбель стояла когда-то вдалеке отсюда – в земле Вюртемберг. Он родился там в селении Оксенбах 6/18 августа 1839 г. Его родители, Георг Якоб и Маргарета, урожд. Роммель, были, как он сам сообщает в краткой биографии при своей ординации, бедными крестьянами и виноградарями, которые собственным трудом зарабатывали себе на жизнь в своих виноградниках, на своих полях и лугах. Лишь позже, когда все дети уже подросли и могли прилежно помогать родителям, материальное положение в родительском доме, похоже, заметно улучшилось. Среди 5 детей Иог. Якоб был по возрасту вторым. Он вместе с братьями и сестрами посещал общинную школу, где был одним из первых учеников и особенно отличался в устном счете. Дома он воспитывался родителями вместе со своими братьями и сестрами молитвой, в дисциплине и строгой вере. В ход зачастую шла палка. Еще больше использовалась молитва. Родители принадлежали к вюртембергским пиелистским общинам ганского течения, проводили собрания, и сам отец был одним из их руководителей. Еще в 1879 г., по случаю посещения старой родины, проповедник Штубер вместе с его нынешней вдовой присутствовал на собрании в отцовском доме. «Когда мой отец вечером приходил с поля усталым, – рассказывает Штубер в своей упомянутой биографии, – то он вместе с матерью и нами, 5 детьми, становился в комнате на колени и от души молился, а мы, братья и сестры, так привыкли к молитве и так полюбили ее, что когда мой отец однажды вечером не молился, то один из нас, детей, мог сказать: отец, не помолиться ли нам?, на что, естественно, следовало согласие. Этот добрый пример моего отца имел и тот результат, что мы, дети, приучились в самой ранней юности молиться самостоятельно: утром и вечером, а иногда и в течение дня мы становились на колени и изливали свои сердечки Господу.» В этой молитвенной жизни, в христианском воспитании, имея перед глазами и при невзгодах добрый пример родителей, мальчик рос, и добрый дух родительского дома сопутствовал ему в жизни и тогда, когда молодой Штубер после своей конфирмации попал в городке Битиггейм в учение к сапожнику; он сторонился юношеских проказ своих товарищей и, невзирая на насмешки подмастерьев, посещал в свое свободное время общинные собрания в городке. Эту любовь к общинам покойный привнес из отцовского дома и из своей вюртембергской родины и в наши поволжские общины. В этих кругах своей родины, где дело миссионерства всегда встречало теплый интерес, в Штубере

пробудилось и желание стать миссионером. После трудного времени своего учения он уже получил свидетельство об обучении своему ремеслу, проследовал далее в город Нордгейм и стал подмастерьем у мастера, стремление посвятить свою жизнь миссионерству заговорило в нем в полную силу. Полтора года он боролся с ним, опасаясь, что это побуждение не свободно от намерения просто сменить профессию. В своем беспокойстве он, наконец, обратился за советом к миссионеру Крапфу из Корнталя, который возвратился из Африки и опубликовал сочинение о своей миссионерской работе там. Тот положил конец сомнениям молодого человека и решительно посоветовал ему последовать внутреннему побуждению. Так Штубер объявился в Базельской миссии и, будучи почти 20-летним молодым человеком, 12 августа 1859 г. был принят в нее.

2. В Б а з е л ь с к о й м и с с и и. Он пробыл здесь 4,5 года. К прекрасному наследию из родительского дома, хорошему воспитанию и набожности и к духовному достижению периода его учения и странствий, интересу к миссионерству, его миссионерская жизнь добавила самоотверженную преданность интересам миссионерской службы, чувство долга, любовь к порядку и готовность к подчинению старшим и начальникам, а также познания и любовь к исследованию.

Главным его учителем и воспитателем был инспектор Иозенганс. Это был строгий человек. Историк Базельской миссии Эпплер пишет: «Иозенганс разминал молодых людей, как гончар глину. Его глаз знатока проникал в человека за несколько минут зачастую до самых глубин. Он сам экзаменовал вновь прибывших и настолько затруднял их пребывание в миссионерском доме, что этого не мог выдержать тот, у кого не было подлинной любви к Господу, а во имя его и к язычникам».

Вторым учителем теологии молодого Штубера был М.Ф. Гесс, впоследствии гёттингенский профессор. Тот был во многих отношениях прямой противоположностью инспектору, пишет Эпплер. Он был мягким, тихим и при этом человеком с большой ученостью и великолепными способностями педагога. Любимый всеми учениками без исключения, он всегда умел насаждать в своих учениках подлинно набожный и свободный дух и передавать им глубокие теологические познания. «В его обучении они совершенно оживали», – добавляет историк. Под руководством этих двух главных учителей и других, из которых покойный упоминал еще будущего священника Петера фон Шпёка, он изучал латынь, греческий, древнееврейский и английский, арифметику, геометрию, географию, историю, физику, черчение и музыку, далее Закон Божий, религиозное учение, анализ Библии, толкование Ветхого и Нового Заветов, догматику, введение в Священное Писание, миссионерское учение, гомилетiku и катехетику.

Штубер уже учился на последнем (высшем) отделении. Тут однажды из Грузии (в Закавказье) в Базельский миссионерский комитет поступила довольно необычная просьба: соизволить прислать для маленького швабского селения у самой турецкой границы одного из воспитанников миссии, который был бы в этой небольшой общине проповедником и одновременно учителем, в будни обучал детей в школе, а по воскресеньям вдохновлял общину с кафедры словом Божиим. Это колония Александерсгильф, заложенная 5 лет назад примерно в 60-70 верстах от своей материнской общины Элизабетталь, а потому с трудом поддающаяся духовному обслуживанию оттуда. И поскольку община мала, бедна и не в состоянии содержать, наряду с учителем, еще и проповедника, то единственный выход – объединить обе должности в одном лице. Инспектор миссии Иозенганс запросил воспитанников высшего отделения, не желает ли кто-то занять этот пост. Сначала выразил желание один Штубер, а позже и двое других.

Это было вовсе не бегством от миссионерской службы, а актом большой самоотверженности. Александерсгильф насчитывал лишь несколько более 100 душ.

Люди были не в состоянии содержать даже единственного проповедника, который одновременно должен был являться учителем. Потому от него ожидалось, что он, наряду со своей должностью проповедника и учителя, будет заниматься еще и ремеслом, дабы обеспечить себя. Поэтому в Грузии поначалу думали совсем не о воспитаннике Базельской миссии, а о простом брате-миссионере, который, наряду с необходимыми познаниями для школьной и проповеднической должности, разбирался бы еще и в ремесле и с детства был бы привычен ко всякого рода лишениям. Поскольку, однако, Базельский миссионерский комитет изначально считал швабские колонии в Грузии полем своей деятельности, то инспектор Иозенганс сначала изложил просьбу своим воспитанникам, не пожелает ли кто-то из них принести эту жертву. Штубер выразил готовность сделать это. Сколь бы ни было тяжело для него покинуть миссию еще до завершения курса и тем самым расстаться с профессией миссионера, но в этом обращении из Грузии к молодым братьям в Базельской миссии он услышал призыв Господа именно к себе, т.к. он с юности был привычен к лишениям всякого рода, знал ремесло и занимался им.

Так 21 февраля 1864 г. он был посвящен в Нюртлингене/Вюртемберг в сан проповедника и вскоре выехал вниз по Дунаю навстречу выбранному им месту назначения. Воспитанник миссии Кнапп, назначенный проповедником в колонию Мариенфельд, далее учитель Шварц, многолетний друг Штубера, и сестра проповедника Шренка из Грузии, Мария Барбара Шренк, будущая жена Штубера, были его спутниками в пути от Вюртемберга до Тифлиса, у дальнего края Черного моря.

3. В Т и ф л и с е. После его прибытия в Тифлис последовала вынужденная задержка. С одной стороны, постройка школьного и молельного дома в Александерсгильфе еще не была завершена, с другой стороны, закавказский Синод через своего обер-пастора Шритте добивался от правительства, чтобы Александерсгильф стал самостоятельным приходом и определенному туда проповеднику была назначена, по крайней мере, половина установленного для Грузии государственного жалованья (т.е. 350 руб.), т.к. духовенство считало неподходящим, да и невозможным, чтобы проповедник был не только шульмейстером, но еще и вдобавок зарабатывал себе на жизнь ремеслом. Прошение Синода удостоилось Высочайшего соизволения: Александерсгильф стал самостоятельным приходом, а тамошнему священнику было назначено государственное жалованье в 350 руб. Тем временем Штубер, за отсутствием необходимого духовного обслуживания, управлял викариатом в колониях Тифлис и Александерсдорф. Теперь он оставил эту должность и в июне 1865 г. прибыл в свой небольшой приход, получив жалованье лишь в размере 576 руб., если пересчитать на деньги натуральную плату, предоставленную ему общиной, и добавить ее к 350 руб. государственного жалованья. Побочных заработков не было.

4. В А л е к с а н д е р с г и л ь ф е. Восемь лет Штубер неумоимо трудился на этом одиноком посту, у самой турецкой границы, в отдаленной горной местности. Лишь один раз в год, во время Синода, он встречался со своими коллегами. Все остальное время он из-за плохих дорог в горах и удаленности своей общины был отрезан от других колоний, от всякого вдохновляющего общения и обмена мыслями с другими священниками. Этот недостаток он пытался хоть в какой-то мере восполнить за счет оживленной переписки с Базельской миссией и особенно со своим другом Шварцем, обосновавшимся в качестве учителя в Тифлисе. По будням Штубер работал в школе, по воскресеньям он стоял на кафедре, в оставшееся свободное время он занимался работой священника и необходимыми служебными делами.

Все усилия, заботы и огорчения, приходящиеся на долю учителя в его тяжелом труде, пришлось с лихвой испытать за эти 8 лет и молодому пастору Штуберу. Это

видно из его дневников, которые он вел прилежно и аккуратно со своего прибытия в Грузию и до 90-х годов. Тут и старые жалобы на нерегулярное посещение школы детьми, зачастую по вине и из-за небрежности родителей, в результате чего тормозится равномерный успех в учебе, тут жалоба на непослушание школьников, вплоть до неповиновения учителю, тут обвинения со стороны родителей, что учитель был слишком строг и несправедлив или ударил Гансйорга слишком сильно, что дети ничего не учат и даже (и это говорится о пасторе!), что сейчас уже ничего не требуют из Катехизиса, а только счет и т.п. «Я устал бороться», – писал Штубер в конце этой 8-летней учительской службы тамошнему обер-пастору, и в этих кратких словах подытожены все его страдания в качестве учителя.

В первое время своего пребывания в Александерсгильфе его занимали и мысли о миссионерстве, он предложил Базельскому миссионерскому комитету уступить из своего и без того скромного жалованья сто рублей армянскому брату, обучающемуся в Базеле, если тот будет жить с ним и общаться с ним на татарском языке, чтобы затем предпринимать совместные миссионерские поездки к мусульманам, живущим в горах вокруг. Однако с этим планом было вскоре покончено. Пастор из Катариненфельда Лемм, вдохновленный планом Штубера, обратился с аналогичной просьбой в Германсбург и выписал себе воспитанника оттуда, тогда как в Базеле еще колебались. Германбургский воспитанник Шоттгейм прибыл в Тифлис и был тотчас выслан из страны российским правительством. До него дошли слухи об этом деле. По этому инциденту Штубер понял, что российские власти, иными словами – русская церковь, не готовы терпеть открытую миссионерскую деятельность инаковерующих среди мусульман, и он отказался от своего плана.

Так он самоотверженно продержался на своем трудном посту целых 8 лет. Тут растущая семья, наконец, убедила его, что на 576 руб. жалованья далее прожить трудно. Он также жалуется в своем дневнике, что после напряженной будничной работы в школе с ее трудной школьной дисциплиной он чувствует себя перед воскресной проповедью совсем утомленным, и в этом ему можно поверить. Потому, как он ни сжился со своей небольшой общиной, где собрал вокруг себя горстку обращенных душ, он все же решил вновь взяться за свой страннический посох и стал в 1873 г. пастором.

5. В Е л е н е н д о р ф е. Эта колония также расположена в Грузии, недалеко от города Елизаветполь.

Учительский опыт, накопленный Штубером в его первой общине, он смог теперь применить здесь, в Еленендорфе, руководя школой, где было трое учителей. По будням он находился в школе и помогал своим учителям словом и делом. Он ведь знал теперь работу и страдания учителя, и хотя учителя первое время видели в нем только начальника, но со временем они распознали в нем своего лучшего друга. Однако борьба случалась и здесь – например, если общине нужно было назначить на пост учителя кандидата, который мало или совсем не подходил для школьной должности. Школьный конвент или местный школьный совет помогал пастору регулировать и направлять школьные дела.

Однако следует сказать, что Штубер в целом пользовался большой любовью со стороны общины. Община уже давно испытывала потребность в мире, поскольку между членами общины и ее бывшими проповедниками царили многолетние распри. Штуберу, благодаря его приветливости и общительности, удавалось усмирять враждующие стороны, хотя он не избегал при необходимости и использовать остроту слова Божьего во всей его силе. Члены прихода охотно признавали эти его заслуги в восстановлении мира в своих рядах, и даже в Бруннентале не только письма из Еленендорфа, но и члены тамошней общины находили своего бывшего пастыря.

Здесь, в Еленендорфе его постиг и тяжелый удар в счастливой семейной жизни: смерть вырвала у него его первую жену Марию Барбару Шенк, которая разделила с ним как верная спутница жизни трудные годы в Александерсгильфе. Вдовец остался беспомощным с 5 детьми и приемной дочерью. Тогда он поехал на старую вюртембергскую родину и нашел в своей землячке Катарине Веллер, нынешней вдове, вторую мать для своих осиротевших детей и новую спутницу жизни для себя.

Однако заботы о пропитании не исчезли и в Еленендорфе. Двое старших сыновей были отданы в латинскую школу в Корнтале, и хотя жалованье в Еленендорфе составляло около тысячи рублей, но и его стало недоставать, и старому дедушке в Вюртемберге пришлось помочь оплачивать содержание в Корнтале двух своих внуков.

Тут Штубер после долгих колебаний решил принять приглашение в Альт-Фрейденталь, в 30 верстах от Одессы, т.к. жалованье там повысилось примерно до 1600 руб. Как он пишет в своем дневнике, он с болью в сердце покинул Еленендорф после еще одного 8-летнего срока службы и в июне 1881 г. прибыл в

6. А л ь т – Ф р е й д е н т а л ь. «Бегство от тягот и малодушие» он сам признает в своих записках причинами отъезда из Еленендорфа. Три тяжелых года, которые ему пришлось пережить затем в Альт-Фрейдентале, были справедливой Божьей карой за это.

Он не нашел в этом приходе ничего похожего на здоровую церковную жизнь. Часть общины была подвержена пьянству, другая чужда церкви и слову Божьему, а та часть, которая еще любила слово Божье и, согласно дневнику Штубера, составляла лучшую часть общины, приняла сильно выраженное методистское и баптистское направление. По мнению людей из этих собраний, новообращенным являлся лишь тот, кто подверг себя обращению и мог указать точное время этого обращения, а обращенным, в свою очередь, считался лишь тот, кто подвергся обрезанию в результате долгой борьбы, даже судорог и катания по полу, и видел в этом обрезании божественное дарование сана Божьего сына. Крещение означало для этих набожных людей не купель возрождения, а лишь внешний прием в церковное сообщество, но обращение – акт возрождения и приема в подлинную общину детей Божьих. Эта община – воистину святые, храм Божий, паства Христова. А задачей проповедника является понуждение людей к вышеописанному обращению.

Еще осенью Штубер посетил одно из этих собраний в Альт-Фрейдентале. Он сообщает об этом посещении следующее: «Я выразил свою радость по поводу того, что они собираются для восприятия слова Божьего и для молитвы. Однако после завершения собрания один мужчина вновь начал молиться, затем второй, затем женщина, затем опять мужчина и снова женщина. Все молитвы содержали благодарность за пережитое избавление от греха и вновь просьбу о сохранении и были одинакового содержания. Они произносились плаксивым тоном, действующим на нервы. Это мне не понравилось, и я сказал затем собранию спокойным и дружеским тоном: братья и сестры! Ранее я выразил радость по поводу вашего собрания, но то, что я сейчас слышу, мне не нравится. Молодые неопытные братья и особенно женщины не должны молиться публично; это противоречит установленному порядку и слову Божию. Но тут они со всех сторон стали напирать на меня со своими возражениями. Они хотели доказать по Писанию, особенно по 1-му посланию к Тимофею, 2, 8 и 9, что женщины должны молиться всюду, в т.ч. на собрании, ибо в стихе 9 сказано: «Также и женщины». Однако я сказал им, что стих 8 завершается точкой. Далее они утверждали, что если препятствовать женщинам, понуждаемым к молитве, то это приглушает дух, противоречит слову Божию и т.д., побуждали собрание в моем присутствии к молитве и призывали не дать ввести себя в заблуждение».

После этого первого посещения собрания Штубер навсегда утратил расположение собраний, тем более что он еще и в частных беседах и с кафедры, как в своих общинах, так и на миссионерских празднествах, со всей серьезностью и решительностью проповедовал церковное учение о крещении, возрождении и обращении. Но братья не желали прислушиваться к вразумлениям ни в этих вопросах, ни относительно женских молитв, в т.ч. и тогда, когда пастор указывал на порядок проведения собраний на совместной старой вюртембергской родине, где, например, женщина молилась разве что в женском кругу, но не на публичном собрании. Сначала братья пытались запугать его скрытой угрозой: мол, если проповедник присоединится к участникам собрания, то наверняка не останется без куска хлеба, даже если они находятся в меньшинстве. Когда Штубер, несмотря на это, не пожелал приспособиться к их взглядам, о нем стали кричать как о необращенном и мертвом. Хотя он продолжал посещать их собрания, а со старшими братьями, после многочисленных бесед у себя в пасторате, молился совместно, они, в конечном счете, все же стали отравлять ему жизнь, даже иногда позволяли себе нарушать порядок во время богослужений и, наконец, перестали посещать церковь.

В эти трудные времена внешнего и внутреннего противоборства Штубер чаще, чем когда-либо, советовался в молитве со своим Богом: «Я вновь и вновь излагал Господу в молитве это дело, проверял себя, не справедливо ли все же то, в чем обвиняют меня, и не заблуждаюсь ли я относительно самого себя, но Господь не оспаривал мое восприятие Божественного послания», – писал он однажды в эти печальные дни.

Когда он, наконец, увидел, что его дальнейшее пребывание не послужит общине во благо, то он счел своим долгом предпринять шаги для отставки. Он хотел вновь вернуться в Грузию. Но тут его застало приглашение в Брунненталь, и он последовал ему.

7. В Б р у н н е н т а л е. Общины этого степного прихода были образованы в 1858-1860 г. переселенцами из колоний Нагорной стороны. Долгое время эти, а также другие степные общины обслуживались целым рядом пасторов-викариев, первым из которых был пастор Дзирне, а двумя последними – пасторы Гюнтер и Аллендорф. В 1883 г. был утвержден так называемый Бруннентальский церковный приход в составе 4-х общин – Брунненталь, Гуссенбах, Бейдек и Гнаденфельд, а в следующем году Штубер был избран приходским собранием их первым проповедником. 31 октября 1884 г. он со своей семьей прибыл в Брунненталь, а 9 декабря того же года был введен в должность пробстом Аллендорфом при участии пасторов Томсона и Аллендорфа-мл. В этот день он прочел проповедь о Деяниях святых апостолов, 2, 38 и 39.

Здесь, в этом приходе, Штубер вновь воспрял духом после трудного времени испытаний во Фрейдентале. Здесь он мог с незамутненной радостью предаваться поддержанию духовной жизни и миссионерского духа среди членов своего прихода и сам приложить руку к широкому полю деятельности по внутреннему миссионерству в наших колониях.

По своему прибытию в Брунненталь он обнаружил в общинах оживленную духовную жизнь. Здесь были и «братья», заполнявшие несколько молельных домов. У них не было фанатизма, как у фрейдентальцев, они охотно воспринимали пасторские наставления и не требовали, чтобы он стал их союзником, а были признательны, когда он по-дружески сближался с ними. В отличие от фрейдентальцев, они охотно и часто участвовали в делах по внутреннему и внешнему миссионерству, к чему Штубер тщетно пытался склонить фрейдентальских сектантов, которые, не без своекорыстной спекуляции на миссионерстве среди язычников, выражали мнение, что дух веет, где он хочет, и что дух Божий может поэтому обращать язычников и без проповеди и миссионерства.

Штубер привлек церковных братьев в Бруннентале к благотворительным делам – к созданию общества помощи бедным в 1885 г., как помощников в воскресной школе при групповой системе, к собраниям несемейной молодежи в вечерние часы (т.е. к своего рода молодежному обществу), где проводились религиозные беседы о слове Божьем и чтения развлекательной литературы. Для старшин среди братьев он вел специальные вечерние беседы по понедельникам в пасторате. По разным причинам, о которых здесь сказано не будет, Штуберу вскоре пришлось опять прекратить часть этой внутренней миссионерской работы. Однако библейские чтения он регулярно проводил зимними вечерами в определенные дни недели, то и дело посещал собрания братьев, чтобы оставаться с ними в контакте, и не отказывал себе в участии в их конференциях раз в год в крещение, дабы тем самым застраховаться от уклонений на кривые дорожки. «Не порть это, за ним стоит благословение», – эти слова пророка были его принципом в отношении данного религиозного движения, даже если оно порой грозило выйти за нормальные рамки. И когда, после обсуждения проблемы братьев на Синоде в 1897 г., и часть других коллег сочла нужным плотнее заняться этим движением, то вновь возродились и вечерние встречи со старшинами из братьев в Бруннентальском пасторате, где обсуждались те фрагменты Священного писания, которые должны были рассматриваться на ближайших собраниях.

К нашим заведениям внутреннего миссионерства Штубер неизменно проявлял позитивный интерес, и он не один год до самой смерти являлся верным членом правления Гюнтеровских заведений.

Он искал возможности привлечь сердца и к своей первой любви, миссионерству среди язычников, – не только в общинах своими миссионерскими проповедями и докладами, но и у своих коллег докладами о миссионерстве, с которыми он 11 лет выступал на Синодах в качестве докладчика о миссионерстве.

За пределами своего прихода он действовал и путем обслуживания вакантных приходов, а также частого замещения пробста при визитациях и введениях в сан, а после кончины пробста Аллендорфа временно исполнял и пробстские обязанности. Его спокойная, бесшумная деятельность находила полное признание и у его выше поставленных руководителей, проявлением чего явилось награждение Золотым нагрудным крестом и орденом Св. Станислава.

Так Господь даровал ему в его последнем приходе почти 22 года благословенной и радостной работы в своем Эдеме, которая стала легче и приятней для него благодаря доброму согласию со своими прихожанами. Их любовь он унес с собой в могилу. И это, в конечном счете, лучшее украшение для пастыря, стоящее больше золотых нагрудных крестов и любых орденских звезд. А насколько поволжская церковь обязана своему Штуберу за его руководство общинами в качестве «братского пастора», мы пока еще не в состоянии оценить.

«Подобным течению маленького лесного ручейка, скрытого от глаз толпы, но все же шумного в своем роде, таким представляется мне течение моей бедной жизни до сих пор», – признается Штубер при своей ординации в 1864 г., и эти слова, полные смирения и скромности, можно отнести и ко всей его жизни. В самом деле, никогда не проявлялось в нем стремление выделиться или показаться чем-то, тихо и скромно действовал он на своем посту и на службе Господу, подобный лесному ручейку, уединенно орошающему лесную и луговую почву и смачивающему землю для урожайного роста. Шторм и волны не волнуют его воды и не замутняют их, ласковое Господне солнце улыбается в нем тысячью светлых лучей и искр. Таким был и Штубер, тихая, спокойная натура, никогда не возбуждаемая и не погоняемая штормом страстей, солнечная и излучающая теплое религиозное чувство, благотворно, согревающе и ободряюще распространяющееся и на его окружение. Он был мирным человеком и стремился к миру, но врагом гнилого мира и мог при

случае выступать очень определенно и энергично, если нужно было содействовать торжеству правды и справедливости. Однако все его существо зиждилось на молитве. Как когда-то его родители, так и он всегда жил молитвенной жизнью, но мало приоткрытой и видимой человеческому глазу, а в тиши своей каморки; здесь сердечные бури умирлялись в молитве, здесь черпались силы сверху для жизни во Христе. Хотя он происходил из пиетистских кругов, его трезвое и здоровое религиозное чувство все же оберегало его от всякой пиетистской узости, и в его доме царила радостная и бодрая жизнь. Точно так же он умел сохранить в себе и трезвую позицию в религиозных вопросах. Когда покойный пробст Бонвеч из Норки однажды прислал ему в Еленендорф апокалиптическое предсказание, он написал ему в ответ, что не испытывает понимания к этому и что он еще не видит приближения конца света, т.к. в пророчествах о евреях и язычниках еще кое-что не сбылось. Своим общинам он скромно проповедовал старое Евангелие о распятом Иисусе Христе и его последователях.

Очень здравые и верные взгляды были у Штубера о школе, что мы, в частности, можем увидеть из рукописи, написанной им еще в Грузии. Здесь он как бывший учитель пишет по собственному опыту о школьной программе, подготовке учителей и учительском сословии. Мы не можем здесь вдаваться в детали²⁾. Однако для многих может представлять интерес, что Штубер, который, по мнению определенных людей, был врагом русского языка в наших школах, в своей первой общине Александерсгильф в течение последних полутора лет добровольно знакомил своих учеников с азами русского языка, т.к. он видел необходимость знания колонистами государственного языка, подчеркивал это и в бытность пастором в Еленендорфе и позаботился о назначении там специального учителя русского языка.

Как уже отмечалось, Штубер был женат дважды. В первом браке у него было семь детей, во втором восемь. Из этих 15 детей лишь восемь пережили своего отца.

8. С м е р т ь и п о г р е б е н и е. Покойный всегда отличался хорошим здоровьем. Однако в последние 2 года своей жизни он почувствовал, что его силы сломлены, и в последнюю осень его постиг удар, от которого он до конца уже не оправился, но он мог исполнять свои обязанности без посторонней помощи. По совету врача он следующим летом предпринял для отдыха поездку на волжском пароходе и 21 июня вернулся домой бодрым и свежим. Однако 23 июня он заболел тифом и уже 26 июня 1906 г. он завершил свой земной путь, немного не дожив до 67 лет, в вере в своего Господа, в которого он верил и которого он любил. Его прах был опущен в могилу близкими 28 июня при большом стечении членов общин. Отдать покойному последние почести прибыли также шульмейстеры и 6 его коллег.

Его богомольная жизнь нашла отражение в речах, произнесенных коллегами у его гроба. «А Яков шел своим путем, и встретился ему ангел Божий», 1-я Книга Моисея 32, 1, – эти слова произнес пастор Шварц во дворе пастората. «Если мы живем, то живем во Господе, если мы умираем, то умираем во Господе», Послание к Римлянам 14, 8, – произнес пробст Томсон в своей речи с алтаря. «Я вел верную борьбу, я завершил свой путь, я сохранил веру», 2-е послание к Тимофею, 4, 7, 8, – в свете этих слов отразил пробст Косчёл с кафедры внутренний и внешний христианский путь покойного.

Уповая на то, что упокоилась душа, посвященная народу Божьему, того, кто здесь внизу всегда шел, взирая на Господа, как его верный слуга, его гроб был опущен на кладбище в могилу, и вслед ему прозвучали слова псалма: «Если Господь захочет избавить пленников Сиона, то мы будем как мечтатели. Тогда наши уста растянутся в улыбке и будут полны похвалы. Тогда среди язычников скажут: Господь сотворил великое для нас, этому мы радуемся».

²⁾ См. следующий номер «Фриденсботе».

На этом мы завершим и благодарно простимся с человеком, чей жизненный путь прошел перед нами в этих строках, который в наше время, скудное на веру, прожил перед нами жизнь в вере, любви и верности. Пусть она побудит нас последовать ему в этом, дабы и мы когда-нибудь там, в вечности, услышали из уст Господа утешительный зов к нам: «Ты, набожный и верный слуга, ты был верен в немногом, взойди же к радости Господа твоего, я дам тебе многое».

Пастор Иог. Эрбес

Friedensbote, Nr. 8, 1907, 481-496 Spalte.

Перевёл Виктор Дизендорф
Январь-февраль, 2016 г.